

ИЗУЧЕНИЕ ПРАЖСКИХ РАБОЧИХ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В течение 10 лет в Институте этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук велась интенсивная работа по этнографическому изучению рабочих Праги. Первые публикации появились в 1970—1971 гг. В 1972 г. для разработки темы была создана специальная исследовательская группа, и в 1981 г. вышла из печати итоговая работа — монография «Старая рабочая Прага»¹. За это время мне довелось дважды побывать в Праге и познакомиться с работой чешских коллег. Теперь, когда тема завершена, можно подвести итоги.

Ко времени начала исследований о Праге в чехословацкой этнографической науке уже имелась известная традиция изучения рабочих². Вышло несколько теоретических работ, а также ряд монографий, основанных на полевых материалах. Большинство последних, правда, было посвящено рабочим, жившим в небольших поселках и по образу жизни близких сельскому населению. Культура и быт городских рабочих рассматривались лишь в отдельных статьях³. Вновь созданной группе предстояло работать в направлении, новом для чехословацкой этнографии, — изучать рабочее население большого города, столицы.

Была проведена огромная собирательская работа, в результате которой накоплен богатый материал, еще не полностью использованный и представляющий ценность для будущих исследователей. Чрезвычайно интересны полевые материалы, для сбора которых по каждой теме (семья, одежда, пища и т. д.) были разработаны обширные вопросники. Вместе они бы составили такую громадную анкету, что опроса по ней никто бы не выдержал. Нашли простой и остроумный выход. В каждом рабочем квартале была сделана выборка подлежащих обследованию домов, при этом жильцы квартир под одинаковым номером опрашивались по одной теме, под другим номером — по другой. Так был собран достаточно репрезентативный материал. В архиве полевых сборов наряду с анкетами хранятся также и записи более подробных бесед, биографий и др. Очень богат архив иконографических материалов, составленный как из перепечаток книжных, газетных и тому подобных иллюстраций, так и из фотографий, собранных в ходе полевой работы.

Одновременно со сбором материала шло его осмысление. Регулярно проводились научные конференции, на которых разрабатывались концепции исследования, его программа, подводились предварительные итоги⁴. В 1976 г. Институт этнографии и фольклористики совместно с Этнографическим отделением Национального музея организовал выставку «Старая рабочая Прага». На ней были широко представлены как иллюстративные и документальные материалы, так и вещи (инструменты и изделия ремесленников, мебель, одежда, игрушки, самодельное праздничное убранство комнат и др.)⁵. К 1975 г. был написан первый пробный вариант будущей книги и размножен небольшим тиражом,

¹ *Stará dělnická Praha. Život a kultura pražských dělníků. (1848—1939)/Redakce díla: Robek A., Moravcova M., St'astná J. Praha, 1981. 314 s.*

² Обзор см. в статье: *Moravcová M., Robek A. Třicet let etnografické práce na výzkumu dělnictva.— Český lid (далее — ČL), 1981, № 2, s. 68—77.*

³ См. *Fojtík K. Dům na předměstí (Etnografická studie o životě obyvatel činžovního domu v Brně).— In: Brno v minulosti a dnes. V. Brno. 1963, s. 45—63; St'astná J. K některým otázkám studia rodinného života textilních dělníků.— ČL, 1961, № 1, s. 16—20; idem. Příspěvek k rodinnému životu tkalců a továrních dělníků na Náchodsku.— ČL, 1969, № 4, s. 216—224.*

⁴ *Zpravodaj koordinované sítě vědeckých informací pro etnografii a folkloristiku, 1974, Příloha 1; Zpravodaj..., 1975, Příloha 4; Полищук Н. С., Шмелева М. Н. Конференция «Этнография Праги».— Сов. этнография, 1976, № 4, с. 170—172; Etnografie dělnictva 8, Praha, 1977; Zpravodaj..., 1978, Příloha 4; Zpravodaj..., 1979; Příloha 2.*

⁵ *Scheufler V. Výstava «Stará dělnická Praha» (červen-prosinec 1976) v národopisném oddělení Národního muzea v Praze.— ČL, 1977, № 1, s. 50—53.*

в целях широкого предварительного обсуждения⁶. Кроме того, были изданы 10 сборников «Этнография рабочих» объемом от 7 до 15 а. л.⁷. Много статей было также напечатано в журналах. Публикации были нескольких видов. В одних разрабатывались теоретические основы исследования, в других отражалась источниковедческая работа. Среди опубликованных статей — библиографические обзоры⁸, характеристики и публикации источников⁹, а также самостоятельные исследования, о которых речь пойдет ниже.

Итогом всей этой работы явилась, как уже было сказано, коллективная монография «Старая рабочая Прага. Жизнь и культура пражских рабочих. 1848—1939», написанная авторским коллективом из девяти человек. Основу книги составляют шесть глав, в которых в единичных хронологических рамках (с середины XIX в. до первой мировой войны) рассматриваются разные стороны жизни и быта пражских рабочих: общественная жизнь (с. 52—84, О. Скальникова), пение (с. 85—106, Я. Маркл), семья (с. 107—151, И. Свободова и В. Шейфлер), жилище (с. 152—182, И. Варжека), пища (с. 183—216, Я. Щастна), одежда (с. 217—258, М. Моравцова). Открывает книгу вводная глава общего характера (с. 5—33). Кроме того, имеются две главы, расширяющие хронологические рамки исследования — о первой половине XIX в. (с. 34—51, А. Робек) и о периоде между двумя мировыми войнами (с. 251—291, И. Варжека, Д. Климова, Я. Маркл, М. Моравцова, О. Скальникова, Я. Щастна). Выход в свет «Старой рабочей Праги» — важное событие для чехословацкой этнографической науки. В книге синтезированы итоги большой исследовательской работы. Прекрасно изданная, богато иллюстрированная, живо написанная, она адресована не только ученым, но и самым широким читательским кругам. Особо следует отметить прекрасные иллюстрации, которых очень много — 241 на 290 страниц текста.

Рассмотрим исследования, посвященные этнографии пражских рабочих, сгруппировав их по темам; при этом в каждом тематическом разделе пойдет речь и о соответствующей главе «Старой рабочей Праги».

Топография и жилище. Общей характеристике расселения рабочих в Праге посвящена статья М. Моравцовой¹⁰. Картограммы, построенные на материалах переписей 1869, 1900 и 1930 гг., показывают долю рабочих в населении разных районов Праги и в предместьях. Некоторые рабочие предместья изучались специально. Так, В. Шейфлер монографически описал Нусле, Л. Штепанек, М. и Я. Флегловы — Стржешовицы, Ф. Ванчик — Жижек, К. Петрачек рассмотрел земледельческие поселения на окраине Праги¹¹.

⁶ Etnografie pražského dělnictva. Maketa. Sv. 1, 2, 3. Praha, 1975. Содержание: *Robek A.* Vznik pražského dělnictva a proces jeho sociální emancipace; *Vančík F.* Proletářské město Žižkov; *Skalníková O.* Společenský život pražského dělnictva 1850—1938; *Svobodová J.* Rodina a rodinné vztahy pražského průmyslového dělnictva; *Scheufler V.* Pražské děti; *Klimová D.* Dělnická tradice a vypravěčský repertoár v prostředí velkoměsta (Praha, 1850—1938); *Vařeka J.* Způsob bydlení a bytová kultura pražského dělnictva (1848—1938); *Šťastná J.* Nakupy, způsoby stravování a strava pražského dělnictva; *Moravcová M.* Problematika studia oděvu ve velkoměstském pražském prostředí.

⁷ «Этнография dělnictva» (далее — ED), тт. 1—9, 11 выходили в Праге в серии «Národopisná knižnice» с 1974 по 1978 г.

⁸ *Scheuflerová J.* Nástin hesláře bibliografie pro etnografii a folkloristiku dělnictva.— ED 2, 1974, s. 130—154.

⁹ См., например: *Vaněčková Z.* Obecní kroniky na území Prahy.— ED 3, 1975, s. 191—203; *Reiterová H.* Pověra a současná svatba v Praze z okolí.— ČL, 1974, № 3, s. 182—183; *Robek A.* Ohlas boju pražského dělnictva v lidovém kronikařství.— ED 1, 1974, s. 5—20; *idem.* Neznámý rukopis socialistických deklamací a písní.— ED 5, 1975, s. 1—11; *idem.* Kronika Antonína Fořtíka.— ED 6, 1975, s. 161—168; *idem.* Zpěvník služby služící v Praze, z let 1890—1907.— ED 9, 1977, s. 237—264; *Svobodová J.* Matriky jako pramen studia rodinných vztahů pražského průmyslového dělnictva. Zpravodaj..., 1974, Pf. 1, s. 61—66; *Scheufler V.* Dva autentické prameny k pražským dětským hrám.— ČL, 1976, № 2, s. 84—92.

¹⁰ *Moravcová M.* Poznámky k rozšíření dělnictva v Praze, na předměstích a v příměstských obcích v letech 1869, 1900 a 1930.— ČL, 1978, № 2, s. 78—90.

¹¹ *Štěpanek L.* Život v domkářské čtvrti «Nad hradním vodojemem» v Praze — Štěšovicích na přelomu 19. a 20. století.— ČL, 1970, № 5, s. 257—266; *Scheufler V.* Nusle. Od středověké vesnice k velkoměstskému sídlišti.— ČL, 1971, № 4, s. 218—236; *Vančík F.*

Глава о жилище в «Старой рабочей Праге» — одна из наиболее интересных. Автор, И. Варжека, широко использует материалы, которые создают определенный фон для понимания не только его темы, но и других. Возможно, было бы лучше, если бы эта глава в книге предшествовала разделам, посвященным семье и соседским отношениям. Автор насчитывает пять основных форм рабочего жилища в Праге. 1. Наиболее типичная форма — «дом коллективного проживания». 2. Дома в рабочих колониях с более благоустроенными квартирами; их было относительно немного. 3. Отдельные небольшие частные дома, принадлежащие ремесленникам и рабочим и заселенные квартирантами. 4. Домики сельского типа в бывших деревнях, вошедших в состав Праги. 5. Так называемое «бедняцкое жилье» разных видов. Наиболее подробно изучены и описаны дома коллективного проживания. Это так называемые «дома с балконами» — «павлачовые» (pavláč — балкон). Во дворе дома на каждом этаже — балкон по всему периметру, с него — входы в отдельные жилища (реже встречавшаяся разновидность павлачового дома — дом с коридором). Каждое жилище состояло из проходной кухни, освещавшейся только через дверь, и расположенной за ней жилой комнаты. В этих домах были общие туалеты на каждом этаже и водопровод во дворе. В рабочих колониях уровень благоустройства был выше. Каждая семья имела квартиру из одной (редко двух) комнат, кухни и туалета.

Необходимо положительно оценить исторический подход автора к прошлому: А. Варжека неоднократно подчеркивает, что рассматривать качество жилища надо с точки зрения того времени, когда оно строилось, и не применять современных критериев. Так, в конце XIX в. квартиры в «домах с балконами» вполне соответствовали требованиям времени. Они были лучше жилищ бедноты в деревне и мало отличались от квартир городских мелкобуржуазных слоев. Про обитателей «домов с балконами» рабочие говорили, что они живут, «как господа». Беда была не в качестве квартир, а в их перенаселенности. Перенаселенными тогда считались помещения, в которых жило более 4 человек (т. е. в комнате и кухне — 9 чел.). В рабочих районах перенаселенными были 25% квартир. В каждой, кроме многолюдной рабочей семьи жили еще квартиранты. На одной постели спали по несколько человек, дети — часто на полу. По воспоминаниям некоторых рабочих, семья никогда не собиралась за одним столом — не хватало места; разбирали миски и ели кто где (на окне, на кровати).

В главе дано описание интерьера рабочих жилищ (разные варианты). Интересно сравнение его с деревенским. Даже переселенцы первого поколения мало что брали с собой из обстановки: в город переселялись бедняки, которым нечего было везти с собой, да и в городских тесных жилищах не поместилась бы громоздкая деревенская мебель и утварь. Автор приводит любопытные примеры влияния деревенских привычек на некоторые обычаи пражских рабочих и функциональное использование помещений. Так, в двухкамерном жилище рабочая семья жила, ела, отдыхала в кухне, в комнате только спали, и ее не топили. Обычай оставлять спальню холодной был принесен из деревни, а вовсе не вызван недостатком топлива (для доказательства этого приведены материалы по кладенскому каменноугольному бассейну, где топлива было достаточно и все же рабочие комнат не топили). Глава о жилище вообще изобилует разного рода параллелями. Постоянны сравнения с селом, с другими районами Чехии и даже с городами других стран.

Тема рабочего жилища Праги исследована чешскими этнографами весьма основательно. Кроме И. Варжеки, ею занимались Л. Штепанек и В. Тумова¹².

Proletářské město Žižkov. Maketa..., sv. I, s. 143—215; Petráček K. Zemědělské obce na pokrají města-dokumentace zániku (Praha 7).— ED 7, 1976, s. 19—66; Flegla M., Fleglová J. Staré Střešovice. Kapitoly z historie bývalé předměstské obce.— ED 11, 1978, s. 67—115.

¹² Vařeka J., Stěpánek L. Dělnické pavlačové domy v Libni.— ED 3, 1975, s. 173—190; Tůmová V., Stěpánek L. Pražské nouzové kolonie (Zpráva o studiu).— CL, 1965, № 3,

Общественная жизнь. Глава в «Старой рабочей Праге» (О. Скальникова) под этим названием объединяет довольно разнородный материал — описание просветительной и культурной деятельности рабочих союзов, производственную жизнь, общегородские и рабочие праздники, а также соседские связи по месту жительства. В этом нашла отражение недостаточная разработанность понятия «общественная жизнь». Деятельность рабочих союзов Праги изучена довольно обстоятельно¹³. Очень интересно проведенное О. Скальниковой исследование соседских связей. В «Старой рабочей Праге» оно тематически примыкает к главам, посвященным семье и жилищу и, видимо, лучше воспринималось бы не до, а после них (например, зависимость соседских связей от типа жилища). Автор показывает, что в XIX — начале XX в. соседские связи были очень тесными, а после первой мировой войны сильно ослабели¹⁴.

Семья. Основной работой на эту тему является соответствующая глава «Старой рабочей Праги», написанная И. Свободовой. Автор дает подробную характеристику разных сторон семейной жизни пражских рабочих; несмотря на обширность темы, удалось не допустить серьезных пробелов и вместе с тем избежать скороговорки. Рассмотрен состав семей, показано различие в составе семьи у уроженцев Праги и переселенцев из села (у последних было больше двухпоколенных семей, а также семей с боковыми родственниками). Различие между коренными жителями Праги (среди которых было много представителей традиционных ремесленных профессий) и выходцами из села прослеживается и на других сторонах семейной жизни. В главе показана внутренняя жизнь рабочих семей (распределение обязанностей, воспитание детей, взаимоотношения между членами семьи), роль мужчины как «кормильца», работа по найму других членов семьи. Отдельно рассматриваются родственные внесемейные связи (с семьей родителей и «соуроженцев»¹⁵ — сестер и братьев). Существенное место в главе занимает описание главных событий в семье (рождение, заключение брака, смерть) и сопровождавших их обрядов. Показано постепенное снижение роли обрядов. Очень развитый в XIX в. институт крестных родителей постепенно переживает упадок: если раньше они покровительствовали крестнику всю жизнь, то в XX в. их роль ограничивается участием в обряде крещения. Рабочая свадьба сопровождалась обрядом, более коротким, чем у крестьян и мещан. И крестины, и свадьба становились чисто семейными обрядами. В отличие от них похороны проходили с большим участием общественности. Наиболее традиционный характер носили похороны не вступивших в брак; похороны членов рабочих союзов приобретали новые черты (почетный караул, духовой оркестр, знамя над помещением союза).

s. 189—191; *Štěpánek L.* Příspěvek k vývoji forem bydlení v pražských pavlačových domech na přelomu 19. a 20. století.— *Pražský sborník historický* 1969—1970, s. 106—116; *idem.* Život v domkářské čtvrti «Nad hradním vodojemem» v Praze-Střešovicích na přelomu 19. a 20. století.— *ČL*, 1970, № 5, s. 257—266; *Tumová V.* Pražské nouzové kolonie.— *ČL*, 1965, № 3, s. 186—189; *idem.* Pražské nouzové kolonie. Praha, 1971.

¹³ *Vrbová P.* Ke vzniku a charakteru tzv. dělnických besed v šedesátých letech 19. století v Praze.— *Československý časopis historický*, 5, 1957, s. 108—136; *Novotný K.* Slučovací snahy pokladničních spolků pražských tiskářů ve 30—50. letech 19. století.— *ED* 9, 1977, s. 7—54; *Svobodová I.* K činnosti kaplinské stolové společnosti příznivkyň odborového spolku kovodělníků.— *ČL*, 1976, № 3, s. 135—151; *Skalníková O.* Uloha vzdělání v pražských dělnických spolcích.— *ED* 6, 1975, s. 78—152; *Skalníková O., Šťastná J.* Dva prameny k poznání skladby pražského dělnictva koncem šedesátých let 19. století.— *ED* 11, 1978, s. 156—169; *Fléglová I.* Ke společenskému životu pražského dělnictva na konci 19. a v prvních letech 20. století.— *ED* 5, 1975, s. 12—73; *Šťastná J.* Dělnické potravní spolky v druhé polovině 19. století.— *ED* 6, 1975, s. 4—77.

¹⁴ См. также: *Skalníková O.* Společenské vztahy v pražské dělnické čtvrti na rozhraní 19. a 20. století.— *ED* 1, 1974, s. 92—100.

¹⁵ Неплохо было бы ввести в оборот это близкое духу русского языка слово вместо уже употребляющихся, но, кажется, еще не прижившихся «сиблингов» (тем более, что в биологии этот термин имеет более узкое значение — «близнецы»).

Отдельные вопросы, связанные с семьей, освещаются также в статьях Я. Гавранека (демографический анализ на 1900 г.)¹⁶ и А. Робека (некоторые данные о заключении браков)¹⁷.

Дети, их свободное время и игры. В. Шейфлер опубликовал несколько статей на эту тему¹⁸, а в книге «Старая рабочая Прага» есть специальный раздел в главе, посвященной семье. Свободное время детей В. Шейфлер определяет как ту часть дня, когда детьми не занимаются взрослые. Автор реконструирует игры и занятия детей в конце XIX в., фиксирует половые и возрастные различия в характере групп, предпочитаемых играх, ценностных ориентациях, в отношении к влияниям, исходящим из школы. Подобного рода исследования еще немногочисленны, хотя важность этой проблематики в настоящее время осознается достаточно остро.

Пища. Вопросами питания пражских рабочих много занималась Я. Щастна. Результаты опубликованы ею в виде статьи¹⁹, а также главы в «Старой рабочей Праге». В главе говорится о разных видах торговли продовольственными товарами, о деятельности потребительских обществ. Обе эти темы более подробно разработаны в двух специальных статьях Я. Щастной²⁰. Особый раздел главы посвящен характеру питания — автор делает вывод, что в XIX в. преобладало домашнее питание, в том числе и в рабочее время, столовыми стали широко пользоваться только в XX в. Большие разделы главы посвящены подробной характеристике повседневной и праздничной пищи. Особую страницу в истории питания пражских рабочих освещает В. Шейфлер в статье о снабжении продовольствием населения Праги в годы первой мировой войны²¹.

Одежда. При исследовании одежды городского населения этнографы обычно испытывают большие трудности. Изучать ее по описаниям, по расспросам недостаточно, а вещей в натуре почти не сохранилось. Серьезное исследование одежды пражских рабочих оказалось возможным благодаря тому, что был собран огромный иконографический материал. Изучением одежды пражских рабочих занималась М. Моравцова. Ей принадлежит глава в «Старой рабочей Праге» и ряд статей.

В первой половине XIX в. одежда пражского простого люда отличалась от одежды как зажиточных горожан, так и окрестного сельского населения. Постепенно она сближалась с одеждой средних городских слоев. Автор дает подробное описание женского, мужского и детского костюмов в процессе их эволюции. Первоначально в одежде не было функциональной дифференциации. С 70-х годов появилось различие между будничной (одновременно и рабочей) и праздничной одеждой. Это было связано с развитием общественной жизни: встречи рабочих на «беседах», в рабочих союзах, рабочие «балы» — все это предвещало определенные требования к одежде. Тогда же возникла форменная одежда рабочих союзов. С конца XIX в. различались функционально уже три вида одежды: праздничная, повседневная и рабочая.

Представляют интерес отмеченные автором черты символизма в одежде. Форменная одежда рабочих союзов создавалась с использованием элементов «славянского национального стиля» (или того, что за

¹⁶ *Havránek J.* Životní podmínky dělnických rodin roku 1900 v světle demografické statistiky.— ED 9, 1977, s. 125—142.

¹⁷ *Robek A.* K problematice studia způsobu života a kultury současného vesnického a městského obyvatelstva.— CL, 1975, № 4, s. 189—195; *idem.* K problematice uzavírání snatků na základě farního materiálu z Orechu (Praha-Západ) z r. 1820.— CL, 1977, № 2, s. 108—110.

¹⁸ *Scheufler V.* Volný čas a dětské hry pražského předměstí třicátých let.— ED 2, 1974; *idem.* Dva autentické prameny k pražským dětským hrám.— CL, 1976, № 2, s. 84—92.

¹⁹ *Štátná J.* Stravování pražského dělnictva a chudiny v druhé polovině 19. a na počátku 20. století.— CL, 1977, № 1, s. 9—22.

²⁰ *Štátná J.* Pražské dělnické potravní spolky v druhé polovině 19. století.— ED 6, 1975, s. 4—77; *idem.* Pražské trhy a tržisté od konce 18. do počátku 20. století.— CL, 1980, № 1, c. 1—19.

²¹ *Scheufler V.* Zásobování potravinami v Praze v letech I Světové války.— ED 9, 1977, s. 143—198.

него принималось). Например, широкие штаны, заправленные в полу-высокие сапоги, считались «польскими», введение их сначала в сокольскую, а потом в рабочую форму рассматривалось как знак славянского единения. С 1870-х годов в рабочей символике появился красный цвет — это отразилось и в одежде (стали носить красные шейные платки)²².

Фольклор. В книге «Старая рабочая Прага» из всей обширной фольклорной проблематики представлена только одна тема — пение пражских рабочих. Ей посвящена специальная глава, написанная Я. Марклом. Автор оговаривает, что не может быть речи о какой-то специфически пражской рабочей песне, но так как пражский пролетариат составлял многочисленный и ведущий отряд рабочих Чехии, при его характеристике правомерно говорить о рабочей песне вообще. Представляет интерес предлагаемая в главе периодизация чешской рабочей песни, хотя сам автор не считает ее окончательной. I. *20—40-е годы XIX в.* В ярмарочных песнях появляются ноты протеста, которые должны были находить отклик прежде всего у рабочих II. *От стачек 1844 г. и революции 1848 г. до 1870 г.* Издание песенников способствует распространению песен в рабочей среде; это главным образом патриотические песни, в том числе многочисленные парафразы чешского национального гимна «Где родина моя?» III. *1870—1890 гг.* В этот период начала социалистического движения возникают собственно рабочие песни и выходят первые четыре рабочих песенника. IV. *1890—1918/21 гг.* Легализация партии и рабочих организаций привели к широкому распространению рабочих песен; в эти годы было издано 60 сборников рабочих песен. V. *1921—1945 гг.* Лучшие старые рабочие песни, ставшие «классическими», сосуществуют с современными, в которых ощущается влияние советской массовой песни, немецких зонгов, французских шансонов, джаза. VI этап, современный, начинается в 1945 г. Основное внимание в главе уделено описанию бытования рабочей песни в 1844—1921 гг.²³.

Интересный материал содержится в исследованиях Д. Климовой, посвященных повествовательному репертуару рабочих²⁴. К сожалению, он даже в сокращенном виде не попал в текст «Старой рабочей Праги». Некоторые фольклорные сюжеты затрагиваются также в работах, посвященных календарным праздникам.

Календарные праздники. Работа А. Робека «Общественная и семейная жизнь пражских рабочих в первой половине девятнадцатого столетия» содержит свод данных о календарных праздниках, извлеченных из многочисленных архивных и опубликованных источников²⁵. Особое внимание уделяется при этом участию рабочих в общепражских праздниках, а также цеховым профессиональным праздникам. Так, много шествий и гуляний устраивалось ремесленниками на масленицу. Особой популярностью среди жителей Праги пользовался праздник пивоваров «бахус»; будучи веселым развлечением для молодых подмастерьев и учеников, он одновременно служил целям рекламы пива. А. Робек дает подробное описание этого праздника. Отдельные факты приводит

²² Дополнительный материал об одежде см.: *Moravcová M. Oděv v dělnické společnosti starých Holešovic (1890—1918).*— ED 2, 1974; *idem. Vliv vánočních ošacovacích akcí na oblečení dělnických dětí v Praze v druhé polovině 19. století.*— ED 6, 1975; *idem. Oděv lidové Prahy ve 30.—60. letech 19. století.*— CL, 1977, № 3, s. 132—147; *idem. Oděv městského a venkovského lidu z let 1847 až 1849 (Úřední oznámení — neznámý pramen studia).*— CL, 1980, № 3, s. 131—148.

²³ См. также *Markl J. Zpěv pražského dělnictva.*— ED 5, 1975, s. 146—163.

²⁴ *Klimova D. Dělnická tradice a vypravěčský repertoár v prostředí velkoměsta (Praha 1850—1936). Etnografie pražského dělnictva, Maketa, Sv. II. Praha 1975, s. 65—190; idem. K otázkám folklóru pražského dělnictva.*— CL, 1976, № 2, s. 75—80; *idem. Uvahy k metodě a pojetí slovesné folkloristiky pražského průmyslového dělnictva.*— ED 1, 1974, s. 41—91, *idem. Zkušenosti ze studia dělnického folklóru městského typu.*— Slovenský národopis, 1976, № 3, s. 369—377; *idem. Pojem «pražanství» v tradici českého dělnictva.*— ED 9, 1977, s. 199—236.

²⁵ *Robek A. Společenský a rodinný život pražských dělníků v první polovině devatenáctého století.*— ED 4, 1975, 241 s.

он также о двух других масленичных праздниках — «сламнике» и «фидловачке». Одним из наиболее чтимых праздников было рождество; в работе есть материал о колядовании, «вифлеемах», праздничных базарах. Некоторые городские праздники автор сравнивает с сельскими: так, празднование дня св. Анны, покровительницы кирпичников, во многом напоминало, по его мнению, сельские «дожинки».

Двум праздникам пражских ремесленников — так называемым «сламнику» и «фидловачке» — посвятила обстоятельное исследование Я. Шейфлерова²⁶. На пасхальной неделе во вторник на одной из окраин Праги отмечали «сламник» (слово это в переводе означает соломенный тюфяк). Он считался праздником портных, его существенной частью было торжественное шествие ремесленников-портных во главе с оркестром, с соломенным тюфяком в качестве знамени. В празднике участвовали самые широкие слои городского населения, в том числе и «высший свет». Представители последнего устраивали выезд за город, где проходил праздник, в экипажах. Пресса сравнивала этот выезд с выездом венской знати и называла сламник на немецкий лад «штрозаком» (от нем. Strohsack). «Фидловачку» праздновали на другой пражской окраине на следующий день после сламника. Это был праздник сапожников (фидловачка — один из сапожных инструментов, который считался символом праздника). В отличие от сламника фидловачка носила демократический характер, высшие слои общества в ней не участвовали. Я. Шейфлерова подробно описывает разного рода увеселения, игры, танцы, песни, зрелища, останавливается на связанных с фидловачкой и сламником фольклоре, суевериях. Предметом ее исследования являются также праздничная одежда, пища, напитки. Приводятся сведения о численности участников, их социальном составе.

Некоторые дополнительные сведения о праздниках, проходивших на улицах и площадях Праги, имеются в статье Г. Лаудовой²⁷. Специальное исследование о празднике рождественской елки принадлежит перу М. Моравцовой²⁸.

В книге «Старая рабочая Прага» отдельной главы, посвященной календарным праздникам, нет, и это жаль. Но вопрос этот частично затрагивается в других главах. В главе о семье И. Свободова пишет о том, как календарные праздники отмечались в семье. Преимущественно семейным праздником считалось рождество. Его отмечали очень торжественно, все члены семьи получали ценные подарки (в то время как на именины, например, не дарили ничего, кроме цветов или какой-либо еды). Долго сохранялись старые обычаи: ставили самодельные «вифлеемы», гадали (лили олово, бросали башмак и т. п.), колядовали, готовили традиционные блюда.

* * *

Работы, посвященные пражским рабочим, представляют для советских этнографов несомненный интерес. Они должны привлечь внимание не только специалистов по западным славянам, но и всех тех, кто работает над этнографией рабочих и этнографией города, — хотя бы на предмет будущих сравнительных исследований, которых пока еще в этом разделе этнографии практически нет.

²⁶ Scheuflerová J. Slamník a Fidlovačka v dobových zprávách periodického tisku druhé poloviny 19. století.— ED 7, 1977, s. 118—271.

²⁷ Laudová H. Pražské tradiční lidové slavnosti a zábavy.— ED 7, 1977, s. 67—117.

²⁸ Moravcová H. Pražské slavnosti vánočního stromku (1842 až 1900).— ČL, 1976, № 2, s. 65—72.